

Significance of the aim factor to qualification of offences against religious freedom (art. 148, 282 of Criminal Code of Russian Federation)

S. A. Silantev¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-658-665

Research article
Full text in Russian

The article deals with the topic of using the aim factor to qualify offences. Based on the regulations of the criminal-law science, significance of the aim factor to qualification of offences against religious freedom regulated by art. 148 and art. 282 of Criminal Code of Russian Federation is demonstrated. The researcher expressed his opinion that the offence regulated by art. 148 of Criminal Code of Russian Federation targets not a religious movement or its separate members but religious values and beliefs, objects of worship and hallowed places of such a religious movement excluding the religious movement per se as a social group, meanwhile the offence regulated by art. 282 of Criminal Code of Russian Federation directs its malevolent influence at a social group or individuals that are members thereof. It was determined that under particular circumstances the aim of disrespect for people's religious feelings for psychological-law nature, is absorbed and incorporated into the chain 'stoking hatred or hostility, and equally humiliation', so it is the reason for qualification solely according to art. 282 of Criminal Code of Russian Federation omitting art. 148 of Criminal Code of Russian Federation. It was also proposed that the corpus delicti provided in part 1 art. 148 of Criminal Code of Russian Federation is excluded therefrom for inadequate public danger of the action provided by the law.

Keywords: religious crimes; disrespect for believer's feelings; religious extremism; purpose of the crime; offences qualification

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Silantev, Svyatoslav A. | E-mail: svyatoslav.silantev.97@mail.ru
| Postgraduate

Funding: Yaroslavl State University (project P2-GM2-2021).

Значение признака цели для квалификации преступлений против религиозной свободы (ст. 148, 282 УК РФ)

С. А. Силантьев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-658-665
УДК 343.42

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается тема использования признака цели при квалификации преступлений. На основе положений уголовно-правовой науки показано значение признака цели для разграничения преступлений, предусмотренных ст. 148 и 282 УК РФ. Автором высказано мнение, что преступление, предусмотренное ст. 148 УК РФ, направлено не против религиозного течения или его отдельных членов, а против религиозных ценностей и воззрений, объектов почитания и священных мест, не затрагивая само религиозное течение как социальную группу, в то время как преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, направляет свое негативное воздействие именно на социальную группу или отдельных людей как её представителей. Было установлено, что при определенных условиях цель оскорбления религиозных чувств верующих, ввиду близкой психолого-правовой природы, поглощается, встраивается в цель «возбуждения ненависти или вражды, а равно унижения достоинства», что обуславливает квалификацию исключительно по ст. 282 УК РФ без совокупности со ст. 148 УК РФ. Выдвинуто предложение об исключении из Уголовного кодекса Российской Федерации состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, ввиду недостаточной общественной опасности предусмотренного им деяния.

Ключевые слова: религиозные преступления; оскорбление чувств верующих; религиозный экстремизм; цель преступления; квалификация преступлений

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Силантьев, Святослав Алексеевич | E-mail: svyatoslav.silantev.97@mail.ru
Аспирант

Финансирование: ЯрГУ (Программа развития, проект № П2-ГМ2-2021).

На сегодняшний день общепризнанным фактом является то, что для здорового общества духовные ценности, в том числе религиозные, обладают не меньшей важностью, чем ценности материальные, и потому государство должно осуществлять комплекс мер по охране духовной сферы от нежелательного воздействия. Однако специфика религиозной свободы обязывает проявлять деликатность в части её уголовно-правовой охраны. Религия и связанные с нею ценности характеризуются весьма двойственной сутью, являясь для людей как объединяющим, так и разделяющим началом, как общим достоянием, так и личным делом каждого. Поэтому законодатель должен быть весьма добропорядочен и внимателен, чтобы не допустить тенденциозности в своей правотворческой политике, избежать появления в числе запрещенных уголовным законом деяний, которые не представляют общественной опасности. При этом ответственность лежит и на правоприменителе, так как от правильной квалификации посягательств на религиозную свободу зависит, насколько уголовно-правовое воздействие будет справедливым. Вместе с тем в теории и практике нередко возникают вопросы, связанные с применением уголовно-правовых норм в указанной сфере.

Речь идет прежде всего о соотношении между нормами ст. 148 УК РФ об оскорблении религиозных чувств верующих и ч. 1 ст. 282 УК РФ, устанавливающей ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признаку принадлежности к определенной социальной группе (в том числе выделяемой по религиозному признаку). В публикациях отдельных авторов время от времени встречается утверждение, что данные нормы на практике неразличимы: например, Р. Б. Осокин пишет, что преступление, предусмотренное ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ, «практически полностью охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, установившей ответственность за унижение человеческого достоинства по признаку отношения к религии» [1, с. 189–190]. Иными словами, высказывается мнение о существовании дублирующих норм по одному и тому же предмету уголовно-правового регулирования.

Чтобы оценить справедливость подобных утверждений, необходимо определить, каковы области применения у ст. 148 и 282 УК РФ, находятся ли они в состоянии пересечения или, наоборот, в чем-то не совпадают.

Начать следует со ст. 148 УК РФ. Диспозиция части 1 данной статьи, которая в её нынешнем виде появилась в 2013 году, сформулирована следующим образом: «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Под её действие, согласно сложившейся позиции юридической науки и правоприменительной практики [2, с. 53–54], подпадают имеющие публичную форму различные оскорбительные тексты и высказывания, касающиеся содержания религиозного учения или феномена религиозного мировоззрения как такового, а также кощунственные акты по отношению

к объектам религиозного почитания (последние, по нашему мнению, не являются предметом применения ч. 1 ст. 148 УК РФ, а должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ [3, с. 146]). По ч. 2 (квалифицированный состав по отношению к закрепленному в ч. 1) оцениваются различные нарушения общественного порядка в культовых зданиях, а также осквернение таких зданий. Составы преступлений, регламентированные в ч. 3 и 4, на наш взгляд, не имеют сильного сходства со ст. 282 УК РФ, поэтому их содержания мы не касаемся.

Переходя к ст. 282 УК РФ, мы видим, что часть 1 данной статьи звучит следующим образом: «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”, лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года». Как мы можем наблюдать, в данный уголовно-правовой запрет интегрирована административная преюдиция, поэтому стоит отметить, что при рассмотрении вопросов соотношения ст. 282 и 148 УК РФ и построении для этого умозрительных примеров мы будем исходить из того, что гипотетический преступник, осуществляющий деяние из ч. 1 ст. 282 УК РФ, уже подвергнут административному наказанию.

В разъяснениях, данных Верховным судом РФ, в качестве примеров вышеуказанных действий называются «высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии» [4]. В более абстрактной форме объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, излагается в юридической литературе. Так, среди действий, возбуждающих ненависть и вражду, выделяются:

А) ложная идентификация (формирование и подкрепление негативного образа религиозного течения, например, путем приписывания всем его представителям стремления следовать традициям и верованиям, негативно оцениваемым в современном обществе, или утверждения о врожденном или историческом превосходстве одних религиозных течений и неполноценности других);

Б) ложная атрибуция – приписывание враждебных действий и опасных намерений по отношению к другим какому-либо религиозному течению (например, объяснение каких-либо бедствий действиями религиозного течения либо утверждение о наличии у него тайных планов против других);

В) мнимая оборона – побуждение к действиям против какого-либо религиозного течения (оправдание геноцида его адептов, требование вытеснить их из отдельных сфер общественной жизни, ограничить объем их прав и свобод) [5, с. 70–71].

Унижение же достоинства лица по религиозному признаку – это унижение чести и достоинства конкретного потерпевшего, при котором виновный, оскорбляя его, заостряет внимание на принадлежности лица к конкретной религии, основывает своё поведение именно на такой самоидентификации потерпевшего. Унижение достоинства группы лиц – аналогичные вышеназванным действия, но в отношении нескольких потерпевших либо негативная, враждебная характеристика всего религиозного течения.

В рамках ст. 282 УК РФ основное различие между действиями, возбуждающими ненависть, и действиями, унижающими достоинство лица или группы лиц по религиозному признаку, состоит в адресате, до которого виновное лицо хочет донести свою позицию: у первых это граждане, рассматриваемые виновным как равных ему, как потенциальных союзников (т. е. это члены одной с ним социальной группы, либо того сообщества, к которому виновный не испытывает неприязнь); у вторых – сами потерпевшие и члены одного с ними религиозного течения. Надо отметить и то, что потерпевшими по подобному преступлению могут быть не только верующие, но и атеисты.

Мы видим, что сходства между преступлениями, предусмотренными ч. 1, 2 ст. 148 (условно обозначим их как «оскорбление религиозных чувств верующих») и ст. 282 УК РФ («религиозный экстремизм»), можно свести к следующим основным моментам: у обоих вышеназванных видов преступлений имеется содержательная связь с религиозными ценностями и воззрениями и они характеризуются публичным способом совершения. Также стоит отметить, что одно из альтернативных действий ст. 282 УК РФ – «унижение достоинства лица или группы лиц» – созвучно с традиционным определением оскорбления в уголовном и административном праве, что может быть оценено как свидетельство тесного соприкосновения в данном аспекте «религиозного экстремизма» с «оскорблением религиозных чувств верующих».

При этом такое сходство не делает деяния совпадающими, у них имеются относительно самостоятельные области правового регулирования, и поэтому можно провести разграничение двух рассматриваемых преступлений. Критерий отграничения «оскорбления религиозных чувств верующих» от «религиозного экстремизма» сводится к **их разной целевой устремленности**: публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ), направлены не против религиозного течения или его отдельных членов, а против религиозных ценностей и воззрений, объектов почитания и священных мест такого религиозного течения, т.е. они непосредственно не затрагивают социальную группу и личности её участников, а выража-

ют негативное отношение исключительно к самой религии и её элементам, не переходя на её адептов. Религиозный экстремизм же состоит именно в дискриминационном отношении к определенной социальной группе; непочтительное, оскорбительное обращение с объектами почитания или религиозными ценностями не является его обязательным элементом. Поэтому если преступные намерения лица будут ограничены только глумлением над религиозными ценностями и объектами почитания определенной конфессии, не затрагивая при этом саму конфессию как социальную группу, его поведение невозможно будет квалифицировать по ч. 1 ст. 282 УК РФ. К аналогичному выводу приходят и некоторые другие исследователи [6, с. 201].

Однако следует разобрать ситуации, при которых в деянии одновременно обнаруживаются признаки обоих анализируемых нами преступлений: и ч. 1 (или 2) ст. 148 УК РФ, и ч. 1 ст. 282 УК РФ. Например, виновный допустил в своем поведении как грубое издевательство над религиозными ценностями, так и враждебные, экстремистские высказывания в адрес соответствующей социальной группы. В связи с этим встает вопрос, необходима ли квалификация по совокупности ст. 148 и 282 УК РФ либо имеет место конкуренция норм, предполагающая выбор только одной из них.

Думается, что ответ на этот вопрос зависит от конкретных условий совершения деяний, а именно от того, насколько они были взаимообусловлены. Например, в ситуации, когда язычник-родновер публично (например, в сети «Интернет») допускает высказывания, оскорбительные для христианской религии, и при этом также, никак не связывая это с поруганием христианства, «проходится» по евреям как нации, негативно характеризуя их, мы видим, что его деяние было направлено в одной части против ценностей христианства, а в другой – против еврейской нации. Уничтожение христианства в приведенной ситуации никак не обуславливало, не подкрепляло экстремистский выпад в адрес еврейской нации. Получается, что виновное лицо своими общественно опасными действиями затронуло два самостоятельных объекта уголовно-правовой охраны (свободу совести и вероисповеданий и «общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения равенства граждан и состояния защищенности личности от угроз экстремистского характера» [7, с. 291]), при этом посягательство на них не имело общего субъективного основания. В таких условиях уголовно-правовая оценка только по ч. 1 ст. 282 или ч. 1 ст. 148 УК РФ будет необоснованной, требуется квалификация по совокупности преступлений.

Однако, на наш взгляд, возможен и вариант, при котором в условиях совпадения в поведении лица как оскорбительного обращения с религиозными ценностями, так и экстремистского посягательства на определенную социальную группу будет иметь место конкуренция норм и отсутствовать совокупность преступлений.

Возникновение такой ситуации обусловлено существующей организационной взаимосвязью цели «оскорбления религиозных чувств верующих»

и цели «возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам отношения к религии», при которой первая из упомянутых целей может стать одним из элементов механизма формирования и развития второй. Речь идет о тех случаях, когда **оскорбление религиозных чувств верующих определенного религиозного течения является только этапом в рамках экстремистского посягательства на само такое религиозное течение**. При подобном развитии событий цель оскорбить религиозные чувства верующих носит промежуточный характер (например, чтобы сделать более эффектными непосредственно сами экстремистские призывы), является лишь частью замысла преступника по достижению действительного итога его противоправной деятельности, которым как раз выступает экстремистская цель. Фактически происходит утрата целью «оскорбления религиозных чувств верующих» своего самостоятельного правоприменительного значения как признака преступления, она поглощается экстремистской целью, в связи с чем соответствующее деяние будет охватываться нормой ч. 1 ст. 282 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 148 УК РФ не потребует.

Итак, мы установили отличительные черты норм ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ и ч. 1 ст. 282 УК РФ, описали особенности их взаимодействия. Между тем определенные нами сходства в правовой природе оскорбления религиозных чувств верующих и религиозного экстремизма также представляют большую ценность, так как на них можно опереться при оценке обоснованности криминализации деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ.

Речь идет о том, что в 2018 г. в ч. 1 ст. 282 УК РФ была внедрена административная преюдиция, приведшая к тому, что соответствующее деяние было частично декриминализовано. При этом, как мы отмечали, «религиозный экстремизм» и «оскорбление религиозных чувств верующих» имеют такие сходства, что их можно охарактеризовать как родственные. Однако частично декриминализованное деяние из ч. 1 ст. 282 УК РФ, несомненно, имеет большую общественную опасность, так как направлено не против относительно отвлеченных от человека религиозных ценностей и объектов почитания, а напрямую против социальных групп и их членов. Но законодатель все равно посчитал и, как нам представляется, правильно, что впервые совершенное соответствующее деяние, если оно не сопровождается квалифицирующими обстоятельствами из ч. 2 ст. 282 УК РФ, не должно влечь уголовную ответственность. В связи с этим и возникает вопрос: почему однородное, но менее общественно опасное деяние из ч. 1 ст. 148 УК РФ создает основание для уголовной ответственности и в случае его совершения впервые? Думается, причина в том, что законодатель изначально при введении в УК РФ ответственности за «оскорбление религиозных чувств верующих» отступил от основания криминализации деяния – наличия общественной опасности. Поэтому, на наш взгляд, правильным шагом было бы отказаться от размещения в уголовном законе состава преступления, предусмотренно-

го ч. 1 ст. 148 УК РФ как запрещающего деяния с недостаточной для признания преступлениями общественной опасностью.

Таким образом, мы видим, что признак цели является разграничительным для составов преступлений, предусмотренных ст. 148 и 282 УК РФ, а потому решение вопроса о целевой направленности деяния (на религиозные ценности и объекты почитания либо же на само религиозное течение как социальную группу) позволяет дать ему правильную уголовно-правовую оценку. Вместе с тем правоприменитель должен иметь в виду близкую психолого-правовую природу цели «оскорбления религиозных чувств верующих» и «экстремистской» цели, которая может порождать ситуации, когда цель оскорбления религиозных чувств верующих будет для преступника промежуточной задачей, выполнение которой облегчает достижение конечной экстремистской цели, связанной с дискриминацией, унижением определенного религиозного течения. В таких случаях цель «оскорбления религиозных чувств верующих», ввиду отсутствия самостоятельной ценности для виновного, полностью охватывается признаком «экстремистской» цели, закрепленным в ч. 1 ст. 282 УК РФ, и дополнительной квалификации по ч. 1 или 2 ст. 148 УК РФ не требует.

Ссылки

1. Осокин Р. Б. Уголовная политика по противодействию преступлениям против общественной нравственности: монография. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. 284 с.

2. Новиков В. А., Шиян В. И. Оскорбление религиозных чувств верующих: состояние и актуальные вопросы квалификации преступления и административного правонарушения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3. С. 52–56.

3. Силантьев С. А. Коллизии норм уголовного и административного права об ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих: причины, проявления, пути преодоления // Евразийское научное объединение. 2020. № 1–2. С. 143–147.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля.

5. Хлебушкин А. Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации: вопросы квалификации и судебная практика: монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Проспект, 2018. 192 с.

6. Иванова Т. Е. Соотношение публичных действий, оскорбляющих религиозные чувства верующих, с преступлениями экстремистской направленности // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 198–202.

7. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор: монография / руководитель авт. кол. П. В. Агапов. М.: Проспект, 2017. 432 с.